

Тебенко Вячеслав Александрович

НАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В 20-30-ЕЕ ГГ. ПРОШЛОГО ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 73-76. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Прогрессивное развитие может совершаться лишь за счет бесконечных жертв и народных бедствий, нищеты, подавления индивидуальности, драконовой дисциплины капитала, исчезновения всякой привлекательности труда, падения целых областей духовной культуры, каковы искусство и поэзия. Другого выхода, кроме примирения с этими отрицательными чертами прогресса Гегель не знает. Он требует от художника противоестественной любви к тем жизненным отношениям, которые, по его же собственному признанию, изгоняют всякую любовь».¹

Список использованной литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: соч.: в 14 т. М., 1958. Т. 12.
2. Гегель Г. Ф. Ф. Эстетика. М., 1968. Т. 1.
3. Лифшиц М. Эстетика Гегеля и диалектический материализм: соб. соч.: в 3 т. М., 1976. Т. 2.

НАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ
В 20-30-ЕЕ ГГ. ПРОШЛОГО ВЕКА

*Тебенко Вячеслав Александрович
Петрозаводский государственный университет*

Национализм в нашем понимании это не какая-то негативная направленность в отношении общества или государства в отношении национальностей или этносов, а принцип, по-которому, границы политические и экономические должны совпадать [Геллнер, 1991, с. 4]. Это создание единого политического тела-государства. При строительстве такого государства, где все его члены должны идентифицировать себя с одним народом или нацией, пусть и состоящей из нескольких народностей, этносов, необходима национальная консолидация, подразумевающая единство в культуре, языке, традициях, ценностях, идеалах и т.д. В Советском Союзе помимо всего прочего была задача построения национального государства, т.е. превращения огромного разноэтничного населения в единую нацию.

В 20-е в начале 30-х годов прошлого века базовыми ценностями советских людей провозглашались: построение социализма, бесклассового общества, интернационализма, мировой революции и прочее, а внимание национальному или этническому родству уделялось мало, грубо говоря, народы СССР не объявлялись единой семьей. В середине 30-х годов на смену интернационализму приходит советский патриотизм, а в дальнейшем, как считают некоторые ученые (Шнирельман, Вдовин) русский национализм. В предвоенные и военные годы этот процесс ещё более усиливается, идёт мобилизация всех патриотических чувств советских людей, путем культурного и идеологического влияния. Одним из способов такой мобилизации было построение общего исторического прошлого, где главными были героизм предков, совместная борьба с захватчиками родной земли, что должно было находить свое подтверждение в современной истории. Конечно, никуда не исчезали идеалы социализма, равенства, на которых мыслилось единство советского общества, но должна была появиться ещё какая-то, выражаясь современным языком, национальная идея, цементирующая всё советское общество, потому как коммунистические лозунги для этого не совсем подходили. Сталин поставил на первое место дружбу народов. Однако, в таком многоукладном и многонациональном обществе как советское, утвердить идеи братства непросто хотя бы потому, что ряд этносов были совершенно чужды друг другу (грузины-карелы-якуты). Естественной была идея общности, прежде всего, с русским народом. В самом деле, с русским соприкасались в той или иной степени культурно, экономически, географически все народы СССР. На первый план вышла идея совместного труда, быта, истории русского народа с другими народами союза. А в дальнейшем уже к концу войны эта идея переросла в тезис о «великом русском народе, старшем брате и защитнике». Что нашло своё отражение в исторической литературе, публицистике и агитационных материалах.

Попробуем проследить это явление на примере советских авторов, чьи работы были посвящены истории Карелии, карелам и вепсам. Разумеется, в условиях идеологического и что немаловажно культурного диктата, исторические сюжеты, демонстрирующие единство русских, карел, вепсов, общность исторического и героического прошлого, борьбы с другими народами, которые не входили в СССР. И здесь конечно не обошлось без изменений и «корректировок» в пользу построения единства карел и русских в прошлом, что, в общем, не отрицает существование этого единства и его влияния совместную жизнь русского и карельского народов. В исторической литературе эти изменения выявляются при сравнении научных трудов, изданных в разные годы, да и меняется постановка вопроса о взаимоотношениях русских, карел и других народов. В статье Егорова Русская летопись о карелах (1928) ставится цель показать, как карел изображали русские летописи, сделать выборку и дать точный текст, не делая каких-либо исторических очерков о карельском народе. По мнению Егорова, карел лучше помнят в северных летописях, новгородских. Для летописцев южных и суздальских это был совершенно чуждый и неведомый народ. Карелы представлены как слабый и несамостоятельный народ, который то враждует с емью, то участвует в конфликтах между Русью и шведами, принимая ту или иную сторону. В работе Егорова нет речи о героизме и дружбе между русскими и карелами.

¹ Лифшиц, 1976, с. 158.

Он приводит факты похода кн. Дмитрия на корелу в 1278 г., поход Ярослава 1269 г. против карельских язычников, восстание корелы в Корельском уезде и уничтожение русского гарнизона в 1314 году [Егоров, 1928, с. 75], участие карел в борьбе с русскими при помощи шведов, которые освободили Карелию от власти новгородских наместников. Карельский народ, судя по тем источникам, которые использует Егоров вовсе не жертва шведской агрессии и верный союзник русского народа. Возьмём другой пример: Хрисанфов Н. «О восстании крестьян приписанных к Олонецким заводам» эта работа была опубликована в журнале «Карело-Мурманский край» в 1931 году. В статье нет ни слова о национальном гнете, совместной борьбе русских и карел, приведены только расчеты затрат, оплаты труда и факты безобразного отношения к людям со стороны властей. Показательна рецензия Быковского С. На книгу Золотарева о карелах [Быковский С. Об очередных задачах изучения карел (по поводу кн. Золотарёва Д. А. «Карелы СССР» // Карело-Мурманский край. 1930. № 6. С. 10-12]. Быковский критикует Золотарёва за то, что тот пытается найти два варианта карел: карела-русского и карела-финна. В то время как сам Быковский, на основании теории Марра, делает вывод о близости карельского народа с кавказскими(!). «Таким образом, карелы имеют глубокие и давние связи достойные научного внимания с кавказскими народами, и этот факт заслуживает не меньшего внимания, чем связи карел с русскими» [Быковский, 1930, с. 11].

Если мы обратимся к предвоенному времени, то картина будет совершенно иной. Карелы и русские становятся верными союзниками и братскими народами, которые вместе борются с захватчиками. В 1939 году издана работа В. Пегова «Польско-шведская интервенция в Карелии в начале 17 в.». В роли врагов карел и русских выступают шведские и польско-литовские шайки, Пегов рассказывает о многочисленных народных расправах с литовскими захватчиками, «на территории Карелии сохранилось много «курганов», «могил» в которых покоятся кости панов и «литвы поганой» [Пегов, 1939, с. 33]. Уже в послевоенное время поляки, а тем более литовцы не упоминаются как враги карел, участники набегов и грабителей. В работе Линевского А. М. «Карельский народ» (1941). История карел показана, в сущности, частью русской истории, карельский народ, по мнению автора, постоянно оказывал поддержку и уважение русскому народу. Русские выступают союзником, но тогда ещё не «старшим» братом и покровителем карел. В частности, Линевский пишет следующее: «борьба русских и шведов происходила не столько за племена, живущие в районе Финского залива, сколько за торговые пути из Европы на Восток. В борьбе двух мощных государств карелы почти всегда были на стороне Новгорода, а затем Москвы». Общим было не только героическое у карел и русских прошлое, но и быт, уклад жизни, обычаи, язык этому посвящена статья Зеленина Д. К. «О старом быте карел Медвежьегорского района КФССР»

Ученые должны были подчеркнуть общность исторического прошлого карел и русских с самого начала исторического пути. Д. В. Бубрих в работе «Происхождение Карельского народа (1947), указывает на то, что в течение всего государственного периода истории Балтийско-Беломорского севера (с конца I тыс. н.э.) все до единой группы, которые входили в состав карел, были в составе русского Русского государства. Формирование карельского народа протекало целиком не только на территории, но в системе и под эгидой Русского государства в «союзе и дружбе с великим русским народом и на этот счёт споры исключаются» [Бубрих, 1947, с. 48]. Бубрих пишет, что карельский народ первым принимал удары Швеции, а русский народ никогда морально не принижал карел, а относился как старший брат. В более поздней работе «Сопоставительная грамматика русского и карельского языков» [Бубрих, 1958]. Бубрих говорит о том, что после Ореховицкого мирного договора устанавливаются границы между Швецией и Россией. На запад от границы формируется финский народ, а на востоке карельский. В состав финского народа вошли сумь, емь, и две группы корелы, которым огнём и мечём было навязано католичество и шведские порядки. В состав карельского народа вошли основные группы корелы и веси. Процесс формирования финского и карельского народов достаточно четко определился к 17 в. Решающим для карел, по мнению Бубриха, было влияние русского народа (эпитет «великий» в 1958 году уже не употребляется). Русский народ, русская история это неотъемлемая часть карельского народа и его прошлого. Хотя в начале 30-х годов вопрос рассматривался иначе, в книге Бубриха «Карелы и карельский язык», опубликованной в 1932 году нет указаний ни на «старшего брата», ни на главенствующую роль русского элемента в карельской культуре. В след за Бубрихом, Шаскольский утверждает, единство карельского и русского народов. Его работа «Шведская интервенция в Карелии в начале 17 века», издана в 1950 году, историк сообщает, что с 1293 года идёт война за Карельский перешеек, шведы захватили Корелу, но новгородцы при поддержке карельского народа быстро вернули город. Ореховецкий мир разделил население Карелии, западная часть попала под финское влияние и постепенно утратила свои племенные отличия. Русское государство для карел было той силой, которая защищала их от шведских войн и набегов, спасала от шведского завоевания. Шаскольский считает, что переселение карел после Столбовского мира в русские земли отвечало национальным интересам карельского народа, который был частью Русского государства и активно боролся за своё будущее. Переселению карел посвящена отдельная работа Жеребина А. С. «Переселение карел в Россию в 17 веке» (1956). В духе времени пересказываются факты совместной борьбы карел и русских со шведами и немецкими рыцарями, о религиозных притеснениях карельского народа, убийствах священников и монахов, насильных обращениях в протестантскую веру, появлении печатных книг религиозного содержания на финском языке для карел. Причины переселения карел это тяжёлый гнёт со стороны шведского государства и национально-культурное порабощение карельского населения [Жеребин, 1956, с. 39]. Жеребин высказывает мысль том, что Русское государство это защитник и лишь иногда угнетатель, когда речь идёт о внутренней политике.

Русское правительство укрывает карельских перебежчиков от шведских властей и в этом отношении русское правительство как образ всего русского играет положительную роль в судьбах карел.

Что касается вепсов, они также должны были быть связаны с русским народом. Н. И. Богданов в своей статье о вепсах утверждал, что вепсы вошли в систему Русского государства с самого начала его образования [Богданов, 1958, с. 63-70]. Само собой тезис о «старшем брате-русском народе» вошел и массовую литературу. На пример «Карело-Финская ССР в братской семье народов СССР. Сборник материалов в помощь агитатору» (1951) в этой брошюре иллюстрируется совместная деятельность русских, карел, финнов, заботы о великом русском народе о Карелии, любви карел к русскому языку и т.д. Известный историк Дружинин воспитывал единство в младших поколениях советских людей, рассказывая о дружбе между русскими и карелами, о совместном быте, в частности о том, что карельский костюм больше похож на русский, чем на одежду финнов, родственных карелам по языку и т.д.

Со временем, когда в нашей стране происходят политические изменения, общественная атмосфера, ослабевает идеологический диктат, меняется и роль русского народа в судьбе других народов СССР. Вместе с тем, исчезает образ врагов, т.е. народов современных капиталистических стран. Возьмем работу Коваленко Г. М. «Русско-шведские отношения в 17 веке», изданную в 1982. Совершенно иной тон, нет места многовековой борьбе русского народа со шведскими захватчиками. Напротив больше внимания уделяется политическим и торговым связям России и Швеции. Россия и Швеция это уже союзники в Тридцатилетней войне. Автор пишет, что Россия и Швеция многое потеряли, потому что не смогли в 1633-34 гг. заключить союз. Однако, до середины 50-х гг. 17 в. ни русская, ни шведская стороны не шли на обострение отношений, но всячески стремились к установлению добрососедства [Коваленко, 1982, с. 21]. В работе Коваленко лишено особого драматизма описание переселения карел, что было в трудах советских историков изданных в 50-е гг., Русско-шведская война представлена не как оборона России, а скорее как результат большой дипломатической игры, которую вели европейские страны. Шведы вовсе не поработители, ничего не сказано о борьбе русских и карел против шведских войск, но не «грабителей и разбойников». В работе И. А. Черняковой «К вопросу о судьбах карельских выходцев в 17 веке» (1989) так же нет упоминаний о каких либо зверствах шведов из-за которых, карелы переселялись в Россию.

Такой переход в исторической литературе о карелах и русских, показателен так как он демонстрирует изменения в национальной политике советского государства в сторону русского национализма, потому как в 20-е гг. можно говорить о том, что национализма русского не было. В 20-е гг. Сталин ратовал за развитие национальных культур и автономий, причем не только на словах, не зря 20-е годы называют расцветом национальностей. Сталин, в 1925 г., в частности говорил: революция встряхивает глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей... Конечная цель коммунистической партии - единая общечеловеческая культура [Сталин, 1955, с. 69]. Сталин считал, что в ходе построения общечеловеческой культуры (пролетарской) некоторые нации могут подвергнуться ассимиляции. Но процесс ассимиляции одних не отвергает, а предполагает процесс усиления и развития целого ряда других-живых и развивающихся наций.

Процесс изменений, происходивших в региональной исторической литературе в связи с изменениями общей политики государства, мы показали на конкретных примерах и нельзя отрицать того что он был. Однако, изучая работы Сталина, возникает проблема, что обуславливало эти изменения, кроме известных причин: борьбы с космополитизмом, патриотизма, идеологического диктата. А именно, если смотреть глубже была ли у Сталина какая-то логика в построении национального государства с конца 20-х до начала 50-х годов. В 1929 году Сталин заявлял, что на втором этапе диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое хозяйство - только на этом этапе будет складываться нечто вроде общего единого языка, ибо только на этом этапе нации почувствуют необходимость иметь наряду с национальными один общий язык, для удобства сношений культурного и экономического [Там же, с. 349]. И вопрос-то для историков, может быть сформулирован так, не была ли в дальнейшем, национальная политика, направленная в сторону русификации, по крайней мере, условно так её назовем, и политика направленная на приобщение к русскому языку, русской культуре, как общей и разделяемой всеми народами СССР, частью плана построения единого национального государства в рамках Советского Союза, который начали реализовывать в 20-30е гг.. А вторая мировая война эти планы существенно «скорректировала» к патриотизму и русскому национализму. Над этим ещё предстоит подумать.

Список использованной литературы

1. **Богданов Н. И.** Народность вепсы и их язык // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 63-75.
2. **Бубрих Д. В.** Карелы и карельский язык. М.: Издательство Мособлисполкома, 1932. 32 с.
3. **Бубрих Д. В.** Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. 52 с.
4. **Бубрих Д. В.** Сопоставительная грамматика русского и карельского языков // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 5-24.
5. **Быковский С.** Об очередных задачах изучения карел (по поводу кн. Золотарёва Д. А. «Карелы СССР» // Карело-Мурманский край. 1930. № 6. С. 10-12.
6. **Геллнер Э.** Нации и национализм. М., 1991. 320 с.
7. **Дружинин В.** Советская Карелия. В помощь школьнику. М., 1990. 108 с.

8. **Егоров В.** Русская летопись о карелах // Карелия: ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск, 1930. С. 70-86.
9. **Жеребин А. С.** Переселение карел в Россию в 17 в. Петрозаводск: Государственное издательство КФССР, 1956. 76 с.
10. **Зеленин Д. К.** О старом быте карел Медвежьгорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. Вып. 5. С. 111-123.
11. **Карело-Финская ССР в братской семье народов СССР:** сборник материалов в помощь агитатору. Петрозаводск, 1951. 77 с.
12. **Коваленко Г. М.** Русско-шведские отношения в 17 веке. Петрозаводск, 1982. 95 с.
13. **Линевский А. М.** Карельский народ. Петрозаводск, 1941. 110 с.
14. **Пегов В.** Польско-шведская интервенция в Карелии в начале 17 в. Петрозаводск, 1939. 35 с.
15. **Сталин И. В.** Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1955-1956 гг. Т. 7, 10, 11.
16. **Хрисанфов Н.** О восстании крестьян, приписанных к Олонецким заводам // Карело-Мурманский край. № 1-2. С. 53-56.
17. **Чернякова И. А.** К вопросу о судьбах Карельских выходцев в 17 веке. Петрозаводск, 1989. 25 с.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Цымрина Татьяна Валерьевна

Технологический институт Южного федерального университета

Вопрос об общественном значении искусства, о месте художника в обществе интересовал мыслителей и поэтов всех времён. Свой ответ на него дали русские революционеры XIX в. - декабристы и революционеры-демократы. Их мысли об искусстве не утратили актуальности и сейчас. Декабристы считали главными задачами искусства борьбу с общественным злом и нравственное воспитание человека, главными достоинствами художественного произведения - чёткую нравственную позицию автора, глубину и ясность мысли, верное изображение действительности. Членам «Союза благоденствия» вменялось в обязанность «... 5) доказывать, что истинное красноречие состоит не в пышном облечении незначущей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений; 6) убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих; 7) что описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии»¹.

К. Ф. Рылеев считал главной целью искусства борьбу с общественным злом и защиту добра и справедливости. Художник должен быть свободным. Его цель - истина и общее благо. Он служит не власти, а народу.

О, так! Нет выше ничего
 Предназначения поэта:
 Святая правда - долг его;
 Предмет - полезным быть для света.
 Служитель избранный творца,
 Не должен быть ничем он связан;
 Святой, высокий сан певца
 Он делом оправдать обязан.
 Ему неведом низкий страх;
 На смерть с презрением взирает,
 И доблесть в молодых сердцах
 Стихом правдивым зажигает.
 Над ним кто будет властелин?
 Он добродетель свято ценит,
 И ей нигде, как верный сын,
 И в думах тайных не изменит².

Власть не должна ограничивать свободу творца, но и не должна унижать его покровительством, иначе он превратится в раба, придворного льстеца, а значит, погубит свой талант. Истинный гений не нуждается в покровительстве, он самодостаточен. «Сила душевная слабеет при дворах, и гений чахнет; всё дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения».³ К. Ф. Рылеев признавал только нравственное самоограничение художника. Поэт, который воспевае порок, изменяет своему призванию.

¹ Устав «Союза благоденствия» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 270.

² Рылеев К. Ф. Державин // Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. С. 151-152.

³ Он же. Письмо к А. С. Пушкину, июнь 1825 г. // Там же. С. 308.